

Antonina A. Dementyeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State Medical and Pediatric University (2, Litovskaya str., St. Petersburg, 194100, Russia)

Anna A. Kiselnikova, Senior Lecturer, St. Petersburg State Pediatric Medical University (2, Litovskaya str., St. Petersburg, 194100, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	27.11.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	11.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	14.04.2024

Научная статья / Article

УДК 81'373.7

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-165>

Агионимы в идиомах и паремиях говоров низовой Печоры

Ирина Серафимовна Урманчеева

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, isurman@rambler.ru

Аннотация. *Фразеологизмы с именами собственными привлекают к себе особое внимание и вызывают неослабевающий интерес в научном сообществе. Общеизвестным является факт, что и фразеологизмы, и антропонимы обладают национально-культурной спецификой, поэтому регулярно становятся объектом современных исследований в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, этнолингвистики и др. Интерес вызывают не только устойчивые обороты литературного языка, но и фразеологический материал территориальных и социальных подсистем. Такой территориально ограниченной подсистемой национального языка являются говоры низовой Печоры, фразеология которых на данный момент довольно слабо изучена, а публикации, посвященные именам собственным в составе печорских фразеологизмов, единичны. Отдельного комплексного исследования агионимов в составе идиом и паремий говоров низовой Печоры пока нет. Настоящая статья призвана заполнить эту исследовательскую лауну, в частности выявить фразеологические единицы с агионимами, зафиксированные в словарях печорских говоров, отграничить агионимы от хрононимов и описать культурную референцию агионимов в печорском диалекте с применением метода лингвокультурологического анализа и при необходимости — историко-этимологического метода. Результатом исследования стало выявление идиом и паремий, не представленных в словарях русского литературного языка, с такими агионимами в их составе, как Петр, Павел, Иисус Христос, Каин (за Петром Павел; что Пав-*

лу, что Петру, что брюху, что хребту; Христос ногой ступил; Христа ради не даром и др.). Анализ устойчивых оборотов позволил выявить у библейских имен собственных культурные смыслы, сформировавшиеся в культурной среде староверов и их потомков с богатейшей старообрядческой книжной культурой. Анализ агионимов в составе фразеологических единиц говоров низовой Печоры открывает перспективы изучения других типов имен собственных, выполняющих референтную функцию к различным культурным пластам, — мифонимов, хрононимов, литературных и исторических онимов и др.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, агионим, теоним, мифоним, говоры низовой Печоры, фразеология говоров низовой Печоры

Для цитирования: Урманчиева И. С. Агионимы в идиомах и паремиях говоров низовой Печоры // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 165–184. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-165>

Agionyms in Idioms and Paremias of Dialects of Lower Pechora

Irina S. Urmancheeva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia, isurman@rambler.ru

Abstract. *Phraseologisms with proper names attract special attention and arouse unflagging interest in the scientific community. It is a generally accepted fact that both phraseological units and anthroponyms have national and cultural specificity, therefore they regularly become the object of modern research in the field of linguoculturology, cognitive linguistics, ethnolinguistics, etc. Not only the stable turns of the literary language are of interest, but also the phraseological material of territorial and social subsystems. Such a territorially limited subsystem of the national language is the dialects of lower Pechora, the phraseology of which is currently rather poorly studied, and publications devoted to proper names as part of Pechora phraseological units are rare. There is no separate comprehensive study of agionyms in the idioms and paremias of the dialects of lower Pechora. This article is intended to fill this research gap, in particular, to identify phraseological units with agionyms recorded in dictionaries of Pechora dialects, to distinguish agionyms from chrononyms and to describe the cultural reference of agionyms in the Pechora dialect using the method of linguocultural analysis and, if necessary, the historical and etymological method. The result of the study was the identification of idioms and paremias that are not represented in dictionaries of the Russian literary language, with such agionyms in their composition as Peter, Paul, Jesus Christ, Cain (after Peter Paul; what to Paul, what to Peter, what to the belly, what to the ridge; Christ stepped foot; for Christ's sake, not in vain, etc.). The analysis of stable phrases made it possible to identify the cultural meanings of biblical proper names that were formed in this cultural environment — the environment of the Old Believers and their descendants with the richest Old Believer book culture. The analysis*

of agionyms as part of phraseological units of dialects of lower Pechora opens up prospects for the study of other types of proper names that perform a referential function to various cultural layers — mythonyms, chrononyms, literary and historical onyms, etc.

Keywords: *proper name, anthroponym, agionim, theonym, mythonym, dialects of lower Pechora, phraseology of lower Pechora dialects*

For citation: *Urmancheeva I. S.* Agionyms in Idioms and Paremias of Dialects of Lower Pechora. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2024; 2: 165–184. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-165>

Введение. По словам П. А. Флоренского, «имена более других слов являются ... центрами сгущения, концентраторами общечеловеческого смысла» [1, с. 343]. Собственные имена в паремиях и идиомах выполняют важнейшую культурно-языковую функцию — быть носителями культурных смыслов, воплощенных в языковую оболочку; служить олицетворенными символами, эталонами, мифологемами, стереотипами и таким образом участвовать в процессах семиотизации ценностно значимого содержания культуры. Будучи компонентами идиом и паремий, имена собственные интерпретируются в слоях культуры — мифологическом, религиозном, фольклорном, литературном, историческом и т. п. [2, с. 7].

По слоям культуры, в которых хранится информация о тех или иных персонах или персонажах и репрезентантами которой являются собственные имена в паремиях и идиомах, М. Л. Ковшова выделяет такие типы собственных имен, как мифонимы, хрононимы, агионимы, литературные онимы, исторические онимы и собственные антропонимы [3, с. 174].

В науке об именах собственных — ономастике — под **агионимом** принято понимать имя святого. Календарная привязка агионима отразилась в богатой восточнославянской календарной фразеологии: *у Евдокеи вода, у Егорья трава; с Петрова дня пожня* (т. е. покос, косьба). Отсюда вообще один из активных источников фразеологизмов, содержащих в своем составе антропонимы. С агионимами связаны и так называемые народные значения личных имен: *Касьян на что ни взглянет — все вянет*. В данном случае представления связаны с високосным годом, который считается тяжелым, а так как день св. Касьяна приходится на 29 февраля, то и признак «нехороший», «недобрый» переносится на носителя антропонима [4, с. 12].

В словаре Н. В. Подольской **агионим** также понимается как имя святого [5, с. 27]. Ученые выделяют, кроме того, **теонимы** — назва-

ния божеств (*Перун, Дажьдбог, Волос, Мокошь, Зевс, Гера, Посейдон, Будда, Шива*), и **мифонимы** — имена мифологических персонажей, легендарных объектов (*Кощей Бессмертный, баба Яга, Тридевятое царство, Китеж-град, Дунай-река*) [6, с. 31].

М. Л. Ковшова употребляет термины мифоним и агионим несколько иначе, считая мифонимами имена собственные, предназначенные для называния антропоморфных языческих богов и демонов, героев мифов, а агионимами — имена собственные, предназначенные для называния того или иного персонажа из сказаний Ветхого и Нового Заветов, библейских текстов и легенд [2, с. 8]. В статье термин агионим используется в соответствии с концепцией М. Л. Ковшовой: имя собственное библейского персонажа [3, с. 185–197]. Также в соответствии с этой концепцией агионимы будем отличать от **хрононимов** — имен собственных, предназначенных для называния отрезков времени в народном календаре и связанных с церковно-календарными именами (*Петров, Никола, Борис, Юрьев, Варвара*) [2, с. 8].

Каждой подсистеме свойственна специфическая лексика и особый подбор и оформление собственных имен. Даже имена единого церковного списка обретают в устах представителей различных социальных и территориальных групп свою специфику [7, с. 223]. В связи с этим рассмотрение легендарных, окультуренных имен собственных в региональной диалектной системе, связанной с особенностями жизни, культуры, традиций, религиозных воззрений, представляется важным и интересным.

Таким образом, статья нацелена на выявление культурных референций антропонимов, восходящих к текстам Ветхого и Нового заветов и употребляющихся в устойчивых оборотах (идиомах и паремиях) говоров низовой Печоры¹, зафиксированных в словарях региональной фразеологии и фольклористики [9; 10]. Фразеологизмам с именами собственными в нижнепечорских говорах посвящена статья Д. В. Андриановой [11]. Агионимы в составе печорских идиом и паремий отдельно не изучались, что определяет актуальность и научную новизну исследования.

Методы исследования, теоретическая база. Основным методом анализа фразеологического материала в статье является лингвокультурологический, направленный на выявление способов воплощения культуры в содержании фразеологизмов, свое-

---

¹ Более подробно о говорах низовой Печоры и печорской фразеологии см.: [8, с. 7–9].

бразия фразеологизма как знака и на описание участия фразеологии в языковой концептуализации мира [12, с. 7]. Во фразеологии лингвокультурологический подход впервые заявил о себе в работах В. Н. Телия и ее школы (М. Л. Ковшова, В. В. Красных, И. В. Зыков, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и др.). Поскольку источником культурной информации, закрепленной за именами собственными во фразеологизмах, являются библейские тексты, дополнительно использовался метод историко-этимологической реконструкции с опорой на энциклопедии по мифологии и православию, фразеологические этимологические словари. Применялся также контекстный метод, когда выявление смысловой нагрузки агнионима непосредственно зависело от саморефлексии носителей диалекта.

Именам собственным в составе фразеологизмов и паремий посвящено большое количество научных работ как в нашей стране, так и за рубежом. Обзор научных исследований с их подробным анализом представлен в монографии М. Л. Ковшовой «Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры» (Москва, 2019), там же см. список трудов таких авторов, как М. А. Соломонов, С. Рибарова, С. Симоска, М. Ю. Котова, Л. П. Дядечко, В. М. Мокиенко, М. М. Вознесенская, Д. Б. Гудков, Н. Н. Воропаев, К. А. Власова и мн. др. Эта монография, обобщающая исследования по именам собственным, послужила теоретической базой исследования [3].

Результаты исследования и их обсуждение¹. В нескольких устойчивых выражениях говоров низовой Печоры упоминаются имена *Петр* и *Павел*: за *Петром Павел*; как за *Петром Павел*; *Пётр да Павел* — *хороший парень*, а *Кузьма да Демьян* — *чистый грубиян*; что *Павлу*, что *Петру*, что *брюху*, что *хребту*; что для *Павла*, то для *Петра*, что для *брюха*, то для *горба*.

Такое парное употребление этих имен позволяет предположить, что это не просто антропонимы, а окультуренные имена, приобретшие символическое значение. Парное употребление этих имен в устойчивых оборотах позволяет отнести их к агнионимам и связать с христианской традицией. Петр (Симон) был одним из ближайших учеников Христа при Его земной жизни, Павел (Савл) не имел никакого отношения к евангельским событиям, был римским гражданином, фарисеем и гонителем первых христиан, но позднее начал проповедовать. Он даже не был «официально утвержден» в

---

¹ В кратком виде материал был представлен на Февральских чтениях — 2024 (г. Сыктывкар). Благодарю коллег за некоторые уточнения.

роли одного из двенадцати апостолов [13]. По традиции считается, что Петр — учитель иудеев, а Павел — язычников. Христианская иконография часто совмещает образы Петра и Павла, а к концу IV в. окончательно складывается иконографический тип, в соответствии с которым Петр изображается с широким лицом, курчавыми волосами и округлой бородкой в отличие от узколицего, лысого и длиннородного Павла [14, с. 439–440].

Отмечается, что в литературном русском языке парный образ *Петра и Павла* в устойчивых оборотах встречается нечасто, тогда как в западноевропейской традиции это довольно распространенное явление. В частности, в английской¹ и французской² фразеологии можно заметить мотив мены, взаимодополняющих противоположностей, чего в русском лексическом и фразеологическом материале не наблюдается. Кроме того, святые считаются привратниками загробного мира и функционируют в фольклорных текстах в качестве посредников и «усилителей» магической составляющей. На материале всех трех языков прослеживаются элементы близнецного культа, что, по всей видимости, связано с его древностью и архетипичностью как для европейской, так и для славянской культуры [15].

В словарях русского литературного языка приводятся такие паремии с парным употреблением Петра и Павла: *была правда у Петра и Павла; правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла;*

---

¹ Англ.: *to rob Peter to pay Paul* 'обокрасть Петра, чтобы заплатить Павлу', *borrow from Peter to pay Paul* 'занять у Петра, чтобы заплатить Павлу', *unclothe Peter and clothe Paul* 'раздеть Петра, чтобы одеть Павла' = 'отобрать что-то у одного, чтобы заплатить другому; отдать одни долги, сделав новые; поддерживать одного в ущерб другому' (примеры по: [15, с. 26]).

² Франц.: *prendre (Saint) Pierre pour (Saint) Paul (принять (святого) Петра за (святого) Павла)* 'принять одного за другого, обознаться'; *Paul et Pierre* 'каждый встречный'; *décoiffer saint Pierre pour coiffer saint Paul* 'растрепать святого Петра, чтобы причесать святого Павла'; *déshabiller saint Pierre pour habiller saint Paul* (*раздеть святого Петра, чтобы одеть святого Павла*) 'обделить одного, чтобы наделить другого; поддерживать одно в ущерб другому'; *découvrir saint Pierre pour couvrir saint Paul* (*обнажить святого Петра, чтобы прикрыть святого Павла*) 'отобрать у одного, чтобы дать другому'; *l'on ne doit taut donner à saint Pierre, que saint Paul demeure derrière* (*нельзя отдавать все святому Петру, пусть святой Павел стоит за ним*) 'нельзя отдавать все кому-то одному'; *qui loue saint Pierre ne blasme sant Paul* (*кто восхваляет святого Петра, не хулит святого Павла*) 'тот, кто хвалит одного, не ругает другого' (примеры по: [15, с. 24]).

что Петру, то и Павлу [2, с. 174]; *Пётр и Павел жару прибавил* [16, с. 314]. Во фразеологизме *была правда у Петра и Павла* антропонимы указывают на места пыток, казней или лишения свободы — либо на церковь Св. Петра и Павла, при которой была дыба для пыток и виселица, либо на Петропавловскую крепость [17, с. 568]. В любом случае *Петр и Павел* здесь — обозначение локуса, сокращенное именование церкви или крепости [15, с. 30–31]. Хотя другие источники приводят оборот *правда — у Петра и Павла* с таким комментарием: в старину на Руси Петров день был сроком судов и взноса даней и пошлин [16, с. 314].

С указанием на севернорусский ареал распространения приводятся устойчивые выражения *Пётр и Павел дня прибавил; Пётр и Павел полчаса сбавил* [16, с. 314]. Очевидно, что здесь *Петр и Павел* употребляются как хрононимы, день апостолов Петра и Павла приходится на 29 июня по старому стилю, 12 июля по новому.

В говорах низовой Печоры с богатейшей старообрядческой книжной культурой¹ пара Петр и Павел символизирует неразрывное единство, привычный порядок следования одного за другим: *за Петром Павел* ‘выражение используется в значении оправдания или соглашения’ (ср.: «*Надо сделать, значит, сделаем — мы люди маленькие. Как скажут, так и будет: за Петром Павел*» [10, с. 31]). Интересно, что в наивно-религиозном представлении носителей говора — последователей староверов — Петр и Павел воспринимаются как первый и второй в порядке следования апостолы: «*Пётр был первым апостолом, призванным Иисусом Христом, а Павел вторым. И вот в народе говорят: я-то что, я ведь не главный, я только как за Петром Павел*» (С.) [9, т. 1, с. 307]. Именем Петра действительно открывается перечень двенадцати избранных, тогда как Павел не входил в это число [14, с. 422, 439]. Первыми были призваны Иисусом рыбаки — братья Симон (Петр) и Андрей [14, с. 175], поэтому пара Петра и Андрея выглядела бы более логично, и действитель-

---

¹ Сегодня мы можем с достоверностью говорить о высоком уровне грамотности усть-цилемских крестьян, о круге их чтения, о роли книжности и письменности в их религиозном сознании и быту. Крупными центрами становления староверия на нижней Печоре были Великопоженский (на Пижме) и Омелинский (на Цильме) скиты, насельники которых являли образец благочестивого жития. Именно в монастырях было положено начало грамоте: были открыты школы-«грамотницы», мастерские по переписыванию книг, в которых трудились талантливые переписчики и редакторы древнерусских повестей, художники, переплетчики. Писцами был выработан свой особый способ письма, получивший название «печорский полуустав» [18, с. 113].

но, сначала в христианской традиции появилась именно она. При всех отличиях апостолы Петр и Павел гармонично дополняют друг друга в звании основателей христианской церкви. Например, образованный Павел проповедует для язычников и других иноверцев, в то время как рыбак Петр может проповедовать только среди иудеев из-за незнания иностранных языков [15, с. 25]. «Прославляя апостолов Петра и Павла в один день, Церковь, кажется, хочет напомнить нам о разнообразии человеческих характеров и путей, ведущих к Богу» [13]. Таким образом, в христианской традиции сформировалось представление о Павле как подражателе Петра, а о Петре как руководителе, первооткрывателе, образце. Это закрепилось в старообрядческих идиомах: *«Мы за нашей наставницей как за Петром Павел, она перёд ведёт, а мы за ней»* (Ст.).

В двух пословицах прослеживаются противоположные тенденции: объединения образов Петра и Павла и разъединения, разобщения, при этом результатом той и другой процедуры является констатация неразрывного единства, отсутствия альтернативы¹. Мотив объединения образов реализуется сочинительной конструкцией с союзом *да* и предикацией формой единственного числа *парень*, как будто это один человек: *Пётр да Павел — хороший парень, а Кузьма да Демьян — чистый грубиян* [9, т. 2, с. 168]. Мотив разъединения создается подчинительной конструкцией, построенной на псевдоисчерпании²: *что Павлу, что Петру, что брюху, что хребту; что для Павла, то для Петра, что для брюха, то для горба* 'все равно, что будет, то и будет' [9, т. 2, с. 394]. Помимо мотивов объединения и замещения за образами Петра и Павла закрепились положительные коннотации праведности, благонравия: *Пётр да Павел — хороший парень, а Кузьма да Демьян*³ — чистый грубиян. А в

---

¹ В западноевропейской традиции у образов Петра и Павла сформировалось значение 'один и другой, тот и другой', а также мотив мены — 'один вместо другого', это подтверждается английскими и французскими фразеологическими единицами, приведенными выше [15, с. 24–26].

² О псевдоисчерпании см. статьи автора [19; 20].

³ Парное употребление антропонимов *Кузьма* и *Демьян* позволяет также предположить, что это имена бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, день которых отмечается 1 ноября по ст. ст., 14 ноября по нов. ст. [16, с. 225–230]. Но научно обоснованной причины, по которой эти святые в пословице противопоставляются Петру и Павлу и наделяются отрицательными коннотациями, пока обнаружить не удалось. Более того, в печорских говорах эти имена используются в качестве хрононимов в устойчивом обороте *Кузьмы-Демьяны*, но даже саморефлексия носителей говора не приписывает им отрицательных смыслов:

антитетических пословицах (*что Павлу, что Петру, что брюху, что хребту; что для Павла, то для Петра, что для брюха, то для горба*) *брюху* и *хребту* (*горбу*) как материальным, плотским проявлениям человека противопоставлены образы *Петра* и *Павла* в качестве, вероятно, духовных его ипостасей.

Д. В. Андрианова, проанализировавшая приведенные устойчивые обороты, пришла к выводу, что пара *Петр-Павел* вследствие фразеологической «обкатки» теряет свою библейскую семантическую составляющую и приобретает в паремиологическом дискурсе значение «подобные», «что один, что другой» в отличие, например, от образа-символа *Христос*, который остается в контексте фразеологизма носителем метафорических христианских смыслов. Со ссылкой на зарубежных ученых Д. В. Андрианова отмечает также, что похожую смысловую «девальвацию» пара *Петр-Павел* проживает не только в русском, но других славянских, германских, финно-угорских языках [11, с. 63].

Отметим также, что антропоним *Петр* во фразеологии говоров низкой Печоры используются в качестве хрононима: *Петров день* 'день первоверховных апостолов Петра и Павла, отмечаемый 12 июля по новому стилю, 29 июня — по старому' [9, т. 2, с. 165]; *Петрово говенье, Петров пост* 'один из главных православных постов' [9, т. 2, с. 165]; *Пётр солнцеворот* 'день апостолов Петра и Павла' [9, т. 2, с. 168].

К числу агонимов в составе печорских фразеологизмов можно отнести теоним *Иисус Христос*¹: *Христос* *ногой ступил; Христа ради не даром; жди у моря погоды, у Христа водополя; Господи Иисусе, под ноги не суйсе, вперёд не пихайсе, создади не оставайсе*. Агоним *Христос* употребляется также в виде прилагательного в обороте *христова кулига*.

«Кузьмы-Демьяны бывают осенью, Кузьма и Демьян — это святые врачи, бесребреники, они лечили людей, никогда не брали за свой труд» (С.) [9, т. 1, с. 373].

¹ Ученые проводят семантическую реконструкцию первичного, библейского образа Христа на основе устойчивых оборотов, библейских текстов, в том числе переводных. В результате работы по созданию семантического портрета Христа были выявлены следующие семы: *бесконечность, божественная сущность, вездесущность, верность, вечность, всеведение, всемогущество, доброта, защита / покровительство, любовь, милосердие, мудрость / знание, надежность, неизменность, правосудие / справедливость, святость, само существование, самодостаточность, сила / власть, служение, управление, человеческая сущность* (по [21, с. 98–99]).

Фразеологизм *Христос ногой ступил* характеризует густой, наваристый суп: «Ну, сёдни у меня суп получился какой густой, *Христос ногой ступил*» (Ч.) [9, т. 2, с. 374]. Как известно, Иисус Христос обладал способностью ходить по воде [14, с. 235]. В таком случае густой, насыщенный суп уподобляется воде, которой коснулся своей божественной ногой Христос. В основе семантики фразеологизма могут лежать два мотива — хождения по воде, которая удерживает Спасителя, и божественной, неземной природы всего, к чему он прикоснулся; а сам Христос выступает в роли источника этой неземной, божественной силы. Отметим, что имя Христа в диалектной фразеологии нередко связывается с плотскими, материальными, а вовсе не духовными удовольствиями. Так, в говорах бассейна нижней Вычегды (с. Межег Усть-Вымского р-на Республики Коми) встречается фразеологизм *Христос прокатился* 'кто-либо получил большое удовольствие от еды, питья' [22, с. 284], а в псковских говорах — *Христос по душе босиком (в лапотках) пробежал (прошёл)* (шутл.) 'о высшей степени удовольствия' [23, т. 2, с. 130]. Однако сам мотив прикосновения Христа к чему-либо ногами не всегда во фразеологии получает положительную интерпретацию: помимо вышеприведенного фразеологизма в псковских говорах имеется оборот *Христос босыми ногами по пузу [прошёл, пробежал]*, который характеризует несытную пищу [23, т. 2, с. 131].

В печорском говоре употребляется оборот *Христа ради не даром*, который сопоставим с общерусским фразеологизмом *Христа ради*, выражающим настоятельную просьбу, обращение за милостыней или предложение принять подавание [24, с. 731]. Просторечная / разговорная идиома ввиду частого употребления превращается в междометный словесный комплекс, в то же время использование агионима *Христос* приводит к прагматическому усилению прямой формулы просьбы, увеличивает экспрессию [3, с. 244]. В говорах низовой Печоры наблюдается переосмысление общерусского выражения *Христа ради*. «В усть-цилемском говоре понятие “подать Христа ради” означает подать милостыню, которая в прошлом тайно жертвовалась людям, терпящим нужду, но со временем обрела другие формы. Так, в староверческих селениях Усть-Цильмы принять и накормить бедного / нищего в своем доме приравнивалось к подаванию тайной милостыни» [25, с. 107]. Поэтому на базе общерусской идиомы возникает поговорка *Христа ради не даром*, в которой отражено высокое значение тайного пожертвования: «Милостину-то уж се подать надо. Кто ле добрый человек и роди-

телей поменет. Христа ради подать большо дело. Христа ради не даром» [10, с. 44]. По свидетельству Т. И. Дроновой, для староверов, живших духовными исканиями, странники были своего рода божьими посланниками, и отношение к ним было как к высокочтимым гостям: для них специально протапливали баню, угощали лучшей едой, жертвовали вещи. Считалось, что молитвы нищенствующих (полагавшихся в жизни только на Бога = приближенных к Богу) за усопших были действеннее, поэтому им сообщали имена предков, которых необходимо помянуть перед трапезой. При этом крестьяне знали и то, что, принимая нищих, они тем самым спасали и свою душу, и души родителей (предков) [25, с. 108]. Таким образом, общеизвестный оборот в старообрядческой среде наполняется новыми смыслами: *Христа ради* — это не только подаяние, милостыня нуждающемуся, но и спасение для себя и усопших предков, близость к Богу.

Семантика подаяния, милостыни, бедности, закрепившаяся за именем Христа, находит свое отражение и во фразеологизме *христова кулига* с отагионимным прилагательным *христова*. Фразеологизм употребляется в двух значениях: 'окраина села, примыкающая к кладбищу', 'дорога, проходящая вдоль кладбища' [9, т. 2, с. 374]¹. Погребения на Руси после принятия христианства устраивали на освященной церковью земле как рядом с храмами, так и внутри них. Предназначались они прежде всего для знати. Простых людей хоронили на территориях, расположенных на некотором расстоянии от поселений, но кладбища находились в зоне влияния церкви [26]. Во фразеологизме *христова кулига* компонент *христова* указывает на территорию, близкую к священной земле. У старообрядцев Усть-Цильмы первоначально на кладбище было принято хоронить благочестивых староверов — грамотных, набожных (наставников и староверов-молитвенников, сведущих в церковной гра-

¹ И. А. Кобелева тоже приводит два значения фразеологизма *христова кулига*: 'участок, территория, где проживали бедняки' и 'место погребения умерших, кладбище' [22, с. 283], однако примеры из речи диалектоносителей не противоречат рассматриваемым нами значениям: «...*христова кулига* — кто насмех назвал, дак так же зовут, люди были, бедно жили, попрашивали, вот и *христова кулига*» (Зм.); «*Христова кулига, там могилы у нас, возле реки, от реки поднимешься, первой дом, по межутку пойдёшь, там дорога к кладбищу*» (Зм.). Отметим также, что из разговора с жительницей с. Замежная, где записаны эти примеры (Г. Н.), следует, что *христовой кулигой* называли только окраину села в виде небольшого углубления рядом с кладбищем, само кладбище никогда так не называлось.

моте), девственников и крещеных младенцев [25, с. 110–111]. *Христова* — притяжательное прилагательное, поэтому может пониматься и как отданное Христу, принадлежащее ему. Компонент *кулига* в этом фразеологизме означает ‘глухое место, захолустье’¹. По описанию местных жителей, окраина села, примыкающая к кладбищу, получила такое название потому, что проживавшие здесь бедняки просили милостыню у проходивших к кладбищу людей: «Тут раньше самы бедны жили, тут хоронили ходили, дак они Христа ради просили, да тут и жили, каки-ли домишки ставили, дак говорили — *христова кулига*» (Зм.). Пространство, отделяющее обжитую, освоенную территорию от кладбища и заселенное только божьими людьми — нищими, которые просили милостыню Христа ради, — *христова кулига* — символ пути в мир иной. Таким образом, имя *Христа* обрастает коннотациями нищеты, странничества, тайного подаяния, перехода в иной мир.

В некоторых устойчивых оборотах имя Иисуса Христа лишается положительных коннотаций и может употребляться в иронических и саркастических контекстах. О невозможности добиться обещанного на Печоре говорят *жди у моря погоды*, у *Христа водополья* [9, т. 1, с. 238]. *Водополье* — ‘время, когда река свободна ото льда’ [27, т. 1, с. 80]. С большой долей вероятности, произошло наращение паремии, образованной на основе общерусской идиомы *ждать у моря погоды*, известной как минимум с XVII в. [17, с. 448]. Печорский северный край характеризуется тем, что реки с октября по май покрыты льдом. *Водополье*, таким образом, приходится на июнь — сентябрь. Имя *Христа* здесь указывает на высшие силы, которые управляют не только естественными природными процессами, но и, по представлениям русских, человеческими — житейскими и бытовыми. Здесь, вероятно, следует учитывать, что в результате Крещения Руси христианство подчинило языческие верования, но не стало помехой на пути сохранения коренных природно-племенных традиций. Язычество Руси, медленно христианизируясь, преобразовывалось в так называемое самопонятое христианство, народное христианство или даже «языческое православие» [28].

Нужно отметить, что «усть-цилемские староверы свято сохраняли древлецерковные традиции. В Усть-Цилемском районе никогда не прерывалось богослужение, совершались такие обряды, как

---

¹ СРГНП приводит данное значение как переносное наряду с 3-мя другими: ‘участок луга, вдающийся в лес, кустарник’, ‘лесная поляна’, ‘речной залив’ [27, т. 1, с. 362].

крещение, исповедание, поминовение. Службы проходили в домах, тайно» [18, с. 115]. Возможно, по этой причине молодежь, воспитанная в парадигме атеистического мировоззрения или протестующая против традиций и устаревшего, на их взгляд, миропорядка, может сказать *Господи Исусе, под ноги не суйсе, вперед не пихайсе, создади не оставайсе* [10, с. 11]:

– *Сашка, через пороги, где будешь переходить, дэк хошь Исусову молитву сотвори.*

– *Господи Исусе, под ноги не суйсе, вперед не пихайсе, создади не оставайсе. Таку ле чё?*

– *Богохульнк ты...*

В этой трансформированной форме, выдуманной молитве явно прослеживаются элементы пародии, которые используются с целью раскрытия внутренней несостоятельности того, что пародируется, воспроизведения в намеренно карикатурном виде и осмеяния [29, с. 530].

В печорских говорах зафиксирован также фразеологизм как *Каин на море*, но информант, от которого этот оборот записан, не смог вспомнить его значения: «*А вот ешио тако выражение: я мала была, помню, бабушка говорила — как Каин на море. А вот к чему оно — не знаю, не помню*» [9, т. 1, с. 309]. Такое же выражение обнаруживается в «Словаре русских говоров Сибири» в значении ‘как проклятый’ (ср.: «*Целый день в неводу ходили, рыбу добывали, как каин на море*» (Новосиб.)» [30, с. 19]. Каин — ветхозаветный персонаж, один из сыновей первых людей на Земле, Адама и Евы, из зависти убивший своего брата Авеля. В наказание Бог отметил его особым знаком, чтобы никто, встретив, не убил его и он был вечным скитальцем [17, с. 531]. После убийства Авеля Каин был вынужден удалиться, так как земля, принявшая кровь его брата, не могла больше давать «силы своей» для него [14, с. 269]. (В книге Бытия сказано, что кровь Авеля взывает об отмщении, и земля, которую Каин напоил кровью брата, **проклинает** его (Быт 4: 11). За грехом Каина (вторым в истории человечества) следует и второе изгнание — еще дальше от Бога [31].) По преданию, Каин «поселился в земле Нод, на восток от Эдема» (Быт 4: 16). *Нод* — еврейское слово, которое можно перевести как «странствовать»¹. Таким образом, Каину суждено было стать «изгнанником и скитальцем» (Быт 4: 12). Появление у

---

¹ Жизнь Каина после убийства Авеля. URL: <https://dzen.ru/a/XFpmhvixSQCuBD4Z> (дата обращения: 11.01.2024).

компонента устойчивого оборота *Каин (каин)* семантики 'проклятый', 'неприкаянный', 'отверженный' вполне вероятно.

Заключение. В идиомах и паремиях говоров низовой Печоры упоминаются такие агионимы (ветхозаветные и новозаветные онимы), как *Петр, Павел, Христос* (и *Иисус*), *Каин*. Собственно агионимами (именами святых) являются антропонимы *Петр* и *Павел*. Оним *Иисус Христос* можно отнести к теонимам, а *Каин* скорее к мифонимам, с точки зрения традиционной классификации, принятой в ономастике. Объединение данных собственных имен источником их происхождения — Библией — кажется логичным и оправданным.

Отметим, что имена святых в качестве хрононимов в статье не рассматривались, хотя в говорах низовой Печоры их довольно много (например, *жар до петрова дня; до ильина дня не два дня; Прасковья-грязниха; кузьмы-демяны; вёшний Микола; Василий зимний* и др.).

Фразеологический материал говоров низовой Печоры позволил выявить символические значения, закрепленные за агионимами *Петр* и *Павел*: мотив подражания, следования одного за другим, мотив единства, неделимого целого; мотив равнозначного выбора, отсутствия альтернативы, мотив нормы, привычного хода вещей. Также фразеология демонстрирует закрепившиеся за образами коннотации праведности, благонравия, духовности, наставничества, приятия и в целом отсутствие негативных смыслов. Следует отметить, что в устойчивых оборотах, зафиксированных в словарях литературного языка, за антропонимами *Петр* и *Павел* подобных значений не закреплено в отличие от западноевропейской идиоматики. Одна из вероятных причин разработки этих образов в говорах низовой Печоры — высокий уровень грамотности усть-цилемских крестьян, значительная роль книжности и письменности в их религиозном сознании и быту.

Общеизвестный фразеологизм *Христа ради* в культуре староверов обрастает новыми смыслами и символизирует не только подаяние, милостыню нуждающемуся, но и спасение для себя и усопших предков, близость к Богу (*Христа ради не даром*), становится смысловой основой для обозначения места, отделяющего освоенное человеком пространство мира живых от неосвоенного, неизданного иного мира, где могут обитать только нищие, бездомные, живущие подаянием люди, способные (из-за близости к Богу) помолиться за живого и мертвого (*христова кулига*).

Агионим *Иисус Христос* в некоторых устойчивых выражениях подвергается десакрализации и используется в обозначении далеко не духовных, а материальных, бытовых вещей (*Христос ногой ступил* — о наваристом супе); лишается положительных коннотаций, обобщенно обозначая высшие силы, равнодушные к человеческим нуждам (*жди у моря погоды, у Христа водополья*); включается в формулу-отговорку, пародию на молитву или на речевую суеверную формулу (*Господи Иисусе, под ноги не суйсе, вперёд не пихайсе, созади не оставайсе*).

В печорской идиоматике встречается также фразеологизм как *Каин на море* с неустановленным значением. Но обращение к культурному (библейскому) пласту, с которым соотносится антропоним Каин, и сравнение с сибирской идиоматикой позволяет предположить коннотации проклятия, изгнанничества, отвергнутости.

Анализ фразеологического материала региональной староверческой культуры позволяет обнаружить отличное от литературной общерусской традиции использование антропонимов, восходящих к библейским текстам.

Список источников

1. Флоренский П. А. Строение слова // Контекст-72. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1973. 417 с.
2. Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.
3. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
4. Зубов Н. И. Агионим // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 12–13.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
6. Чайкина Ю. И., Смольников С. Н. История русских личных имен, отчеств и фамилий. Вологда: Изд-во Вологодского института развития образования, 2001. 112 с.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. М.: ЛИБРОКОМ, 2019. 366 с.
8. Урманчеева И. С. Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры : монография. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2023. 115 с.
9. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008. Т. I. 416 с. Т. II. 420 с.

10. Фольклор Усть-Цильмы: пословицы, поговорки, присловья... / сост. Т. И. Дронова. Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра УрО РАН, 2004. 180 с.
11. Андрианова Д. В. Фразеологизмы с именами собственными в нижнепечерских говорах (по материалам «Фразеологического словаря русских говоров Нижней Печоры» Н. А. Ставшиной) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 4 (35). С. 61–67.
12. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 456 с.
13. Десницкий А. С. Апостолы Петр и Павел: два непохожих апостола [Электронный ресурс] // Нескучный сад. 2009. № 7 (42). URL: <http://www.pgramir.ru/petr-i-pavel-dva-peroxozhix-apostola/#ixzz3aUF6FLzL> (дата обращения: 11.12.2023).
14. Мифология : энциклопедия / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 2008. 736 с.
15. Голикова Д. М. Петр и Павел: образы парных персонажей по лингвистическим данным (на материале английского, французского и русского языков) // Научный диалог. 2018. № 10. С. 23–36.
16. Моргунова О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь : этнолингвистический словарь / науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021. 544 с.
17. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология : историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926, [2] с.
18. Дронова Т. И. Историко-культурное наследие Усть-Цильмы: изучение и сохранение // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 110–117.
19. Урманчеева И. С. Парадигматические отношения компонентов в конструкциях с псевдоисчерпанием (на примере печорской фразеологии) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 7. С. 62–70.
20. Урманчеева И. С. Фразеологизмы, основанные на псевдоисчерпании, в говорах Низовой Печоры // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2021. № 73. С. 137–153.
21. Федосова О. В., Кутьева М. В. Лингвокультурный концепт «Христос» в испанских фразеологизмах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 97–103.
22. Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. 312 с.
23. Псковский областной словарь с историческими данными / редкол.: Б. А. Ларин [и др.]. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ; СПбГУ, 1967–2022.
24. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878, [2] с.

25. Дронова Т. И. Традиции празднования Иванова дня у староверов-беспоповцев Усть-Цильмы (конец XIX — начало XXI в.) // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 106–118.
26. Колосова И. И., Медведева А. Б. История формирования культуры захоронений Русского государства в X — начале XX в. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2014. № 3. С. 35–47.
27. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. Т. I. 553 с. Т. II. 470 с.
28. Устименко А. Л. Народная религия Руси: «между» язычеством и православием // Ценности и смыслы. 2017. № 2 (48). С. 33–45.
29. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры : терминологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 941 с.
30. Словарь русских говоров Сибири / сост.: Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров; под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 2001. 392 с.
31. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1319891.html> (дата обращения: 15.01.2024).

References

1. Florenskij P. A. Word structure. *Kontekst-72. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya* [Context-72. Literary and theoretical research]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 417 p. (In Russ.)
2. Kovshova M. L. *Slovar' sobstvennyh imen v russkih zagadkah, poslovicah, pogovorkah i idiomah* [Dictionary of proper names in Russian riddles, proverbs, sayings and idioms]. Moscow: LENAND Publ., 2019. 352 p. (In Russ.)
3. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: Antroponimicheskij kod kul'tury* [Linguoculturological analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: Anthroponymic code of culture]. Moscow: LENAND Publ., 2019. 400 p. (In Russ.)
4. Zubov N. I. Agionim. *Russkaya onomastika i onomastika Rossii : slovar'* [Russian onomastics and onomastics of Russia : dictionary]. Pod red. O. N. Trubacheva. Moscow: SHkola-Press Publ., 1994. Pp. 12–13. (In Russ.)
5. Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 192 p. (In Russ.)
6. CHajkina YU. I., Smol'nikov S. N. *Istoriya russkih lichnyh imen, otchestv i familij* [History of Russian personal names, patronymics and surnames]. Vologda: Vologda University Press, 2001. 112 p. (In Russ.)
7. Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General proprietary name theory]. Moscow: Librocom Bookhouse, 2019. 366 p. (In Russ.)
8. Urmancheeva I. S. *Dialektnye varianty obshcherusskih frazeologizmov v govorah Nizovoj Pechory : monografiya* [Dialectal variants of all-Russian phra-

seological units in the dialects of Nizovaya Pechora : monograph]. Syktyvkar: Syktyvkar University Press, 2023. 115 p. (In Russ.)

9. *Frazeologicheskij slovar' russkih govorov Nizhnej Pechory* [Phraseological dictionary of Russian dialects of Nizhny Pechora]. Sost. N. A. Stavshina. St. Petersburg: Nauka Publ., 2008. (In Russ.)

10. *Fol'klor Ust'-Cil'my: posloviya, pogovorki, prislolv'ya...* [Folklore of Ust-Tsilma: proverbs, sayings, sayings...]. Sost. T. I. Dronova. Syktyvkar: Komi Scientific Center UrO RAN, 2004. 180 p. (In Russ.)

11. Andrianova D. V. Phraseological units with proper names in Nizhny Pechora dialects (based on materials from the "Phraseological Dictionary of Russian dialects of Nizhny Pechora" by N. A. Stavshina). *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Current issues of modern philology and journalism]. 2019. No 4 (35). Pp. 61–67. (In Russ.)

12. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguistic and cultural method in phraseology: Codes of culture]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2012. 456 p. (In Russ.)

13. Desnickij A. S. Apostles Peter and Paul: two dissimilar apostles. *Neskuchnyj sad* [Neskuchny Sad]. 2009. No 7 (42). Available at: <http://www.pravmir.ru/petr-i-pavel-dva-nepoxozhix-apostola/#ixzz3aUF6FLzL> (accessed: 11.12.2024).

14. *Mifologiya : enciklopediya* [Mythology: encyclopedia]. Gl. red. E. M. Meletinskij. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya; Drofa Publ., 2008. 736 p. (In Russ.)

15. Golikova D. M. Peter and Paul: images of paired characters based on linguistic data (based on the material of English, French and Russian languages). *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. 2018. No 10. Pp. 23–36. (In Russ.)

16. Morgunova O. V., Krivoschchapova YU. A., Osipova K. V. *Russkij narodnyj kalendar'. Etnolingvистический словарь* [Prussian folk calendar. Ethnolinguistic Dictionary]. Nauch. red. E. L. Berezovich. Moscow: AST-PRESS SHKOLA Publ., 2021. 544 p. (In Russ.)

17. Birih A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Pod red. V. M. Mokienko. Moscow: Astrel': AST: Hranitel' Publ., 2007. 926, [2] p. (In Russ.)

18. Dronova T. I. Historical and cultural heritage of Ust-Tsilma: study and preservation. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2011. No 4 (33). Pp. 110–117. (In Russ.)

19. Uрманчеева I. S. Paradigmatic relations of components in constructions with pseudo-exhaustion (on the example of Pechora phraseology). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University]. 2021. Vol. 43. No 7. Pp. 62–70. (In Russ.)

20. Uрманчеева I. S. Phraseological units based on pseudo-exhaustion in the dialects of Nizovaya Pechora. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State. un-ta. Philology]. 2021. No 73. Pp. 137–153. (In Russ.)

21. Fedosova O. V., Kut'eva M. V. Linguocultural concept "Christ" in Spanish phraseological units. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences]. 2023. R. 11 (879). Pp. 97–103. (In Russ.)

22. Kobeleva I. A. *Frazeologicheskij slovar' russkikh govorov Respubliki Komi* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Syktyvkar University Press, 2004. 312 p. (In Russ.)

23. *Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Redkol.: B. A. Larin [i dr.]. Leningrad; St. Petersburg: Leningrad, St. Petersburg University Press, 1967–2022. (In Russ.)

24. Fedorov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: Astrel': AST Publ., 2008. 878, [2] p. (In Russ.)

25. Dronova T. I. Traditions of celebrating Midsummer among the Old Believers-bespopovtsy of Ust-Tsilma (late 19 — early 21 centuries). *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2007. No 2. Pp. 106–118. (In Russ.)

26. Kolosova I. I., Medvedeva A. B. The history of the formation of the burial culture of the Russian state in the 10 — early 20 centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering]. 2014. No 3. Pp. 35–47. (In Russ.)

27. *Slovar' russkikh govorov Nizovoj Pechory* [Dictionary of Russian dialects of Nizova Pechora]. Pod red. L. A. Ivashko. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2003. (In Russ.)

28. Ustimenko A. L. Folk religion of Rus': "between" paganism and Orthodoxy. *Cennosti i smysly* [Values and meanings]. 2017. No 2 (48). Pp. 33–45. (In Russ.)

29. Moskvina V. P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Paths and figures. Terminological dictionary]. Rostov n/D.: Feniks Publ., 2007. 941 p. (In Russ.)

30. *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Sost.: N. T. Buhareva, A. I. Fedorov; pod red. A. I. Fedorova. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001. 392 p. (In Russ.)

31. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Pod red. Patriarha Moskovskogo i Vseya Rusi Kirilla. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/1319891.html> (accessed: 15.01.2024).

Сведения об авторе

Урманчеева Ирина Серафимовна, кандидат филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55)

Information about the author

Irina S. Urmancheyeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	07.03.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	01.04.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	11.05.2024